

Редакционная коллегия серии:

Темкин Э. Н.

(председатель)

Алимов И. А.

Афанасьева В. К.

Берлев О. Д.

Васильков Я. В.

(ответственный секретарь)

Горегляд В. Н.

Никитина М. И.

Резван Е. А.

Стеблин-Каменский И. М.

Тантлевский И. Р.

Трофимова О. И.

Эрман В. Г.

**ИСИДА
ЭЙИТИРО**

石田英一郎

**МАТЬ
МОМОТАРО**
桃太郎の母

**Исследование
некоторых аспектов
истории культуры**

ある文化史的研究

Перевод с японского

А. М. Кабанова

Центр
«Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
1998

ББК Т52(о)
УДК 390(100)

*This book is published with the financial support of
«THE JAPAN FOUNDATION»*

*Памяти моего учителя
Николая Невского посвящаю*

Исида Эйитиро. Мать Момотаро: Исследование некоторых аспектов истории культуры / Пер. с яп. А. М. Кабанова. Послесл. А. М. Кабанова и Ю. Е. Березкина. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. — 224 с. («Мифы, эпос, религии Востока. Bibliotheca Universalis».)

Книга крупнейшего японского этнографа Исиды Эйитиро представляет собой сборник статей, опубликованных им предварительно в разных научных журналах. В настоящее издание вошло шесть работ по разным аспектам сравнительной этнографии и мифологии. В главе «Луна и бессмертие» рассматривается взаимосвязь представлений о луне, бессмертии и «молодящей воде» в японской, китайской и европейской традициях. В главе «Сокрывшееся солнце» прослеживаются параллели японского мифа о сокрытии богини солнца Аматэрасу в небесном гроте со сходными мифами тихоокеанского региона. Отдельная глава посвящена происхождению шелководства, и истории распространения его на Дальнем Востоке; особое внимание уделяется легендам, объясняющим появление шелковичных червей на тутовых деревьях. В главе «Путь небесных коней» по материалам исторических и археологических данных анализируется вопрос одомашнивания коней в Китае и др. В главе «Мать Момотаро» в широкой исторической перспективе рассматриваются фольклорные представления о рождении чудесного ребенка, приобретающего впоследствии статус культурного героя. Глава «Мать злаков и боги злаков» посвящена ритуальным жертвоприношениям у ацтеков, целью которых было обеспечение богатого урожая кукурузы; проводится сравнение этих религиозных представлений с культами Матери-Земли в разных культурах Евразии. В заключение приводятся воспоминания Исиды о Николае Невском (1892—1937), выдающемся русском японоведе, у которого Исида учился в 20-е гг., когда тот жил и преподавал в Японии.

Впервые изданная более сорока лет назад книга Исиды Эйитиро считается классическим образцом японской этнографической науки и регулярно переиздается в Японии. Обилие и разнообразие использованного материала, а также оригинальные выводы автора представляют интерес как для профессиональных японоведов, так и для всех интересующихся проблемами сравнительной этнографии, мифологии и фольклора.

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с ведома издательства. Исключительное право на распространение настоящей книги на территории России и за ее пределами принадлежит издательству «Петербургское Востоковедение».

ISBN 5-85803-101-3

- © «Петербургское Востоковедение», издание на русском языке, 1998
- © А. М. Кабанов, перевод с японского, 1998
- © А. М. Кабанов, Ю. Е. Березкин, послесловие, 1998

• Зарегистрированная
торговая марка

ПРЕДИСЛОВИЕ К НОВОМУ ИЗДАНИЮ

Я затрудняюсь точно определить, к какой научной области следует отнести работы, в которых рассматриваются конкретные аспекты истории культуры древних цивилизаций и для исследования которых были использованы литературные источники, мифы, народные предания и археологические материалы. Однако мне представляется, что подобные исследования имеют исключительно важное значение.

Хотя я использовал и археологические материалы, вероятно, никому не придет в голову воспринимать меня как профессионального археолога, да и сам я себя таковым не считаю. Я уже смутно предвижу, как по поводу моих изысканий будет высказана критика и приведены возражения не только археологами, но и другими узкими «специалистами».

В первую очередь это будет критика со стороны тех, кто занимается чистой антропологией. Они сочтут, что мои исследования не основываются на данных, собранных мною лично, а следовательно, их ценность значительно ниже исследований, базирующихся на полевых материалах. Такие критики исходят из абсолютизации исключительно собственного опыта, направленного на конкретные объекты и преследующего определенные цели, в чем с ними, возможно, согласится и часть социальных антропологов, но подобная позиция неприменима к истории мировой культуры. Если, продвигаясь шаг за шагом, мы не будем использовать исключительно надежные свидетельства, то и стажней не хватит, чтобы осуществить сравнение разных культур во всемирном масштабе, а в таком случае и исторические записи прошлого утрачивают всякую ценность.

Некогда, слыша заявления ученых, излишне настойчиво утверждавших, что нельзя пользоваться результатами чужих ис-

следований, я возражал: “В таком случае, если вы не убедитесь лично, что земля круглая, неужели вы в это не поверите?” Лично я путешествовал вокруг света и на корабле, и на самолете, но никогда не мог быть окончательно уверенным, что перемещаюсь по поверхности земного шара. Если люди неспособны использовать совместно накопленное наследие — знания, оставленные в форме слов или письменных знаков, то нет другого выхода, кроме как снова вернуться в палеолитическую эпоху и вместе с нашими предками повторить их опыт с самого начала.

Во вторых, я предвижу прямо противоположную критику со стороны историков и специалистов по классической литературе, для которых смысл жизни составляет изучение текстов, вследствие чего они нередко воспринимают подобные исследования как вторжение несведущего дилетанта в священную сферу их профессиональных изысканий. И в самом деле, могут ли считаться научными исследования, в которых поднимаются столь несерьезные темы — то про мальчика-с-пальчик, то про водяных-каппа, то автор, не зная санскрита, цитирует “Рамаяну” либо, не разбираясь ни в греческом, ни в латыни, использует в своих научных исследованиях данные, почерпнутые у Гомера или Аполлодора? В ведущих японских университетах все это не может быть принято в качестве достойных тем для научной работы. Такой кажущийся несерьезным подход не встречает ни малейшего понимания в нашей академической среде, словно стеной огораживающей священную территорию своей “профессиональной деятельности”. Впрочем, я готов дать ответ подобным критикам.

Если, например, кому-то захочется сделать широкие сравнительные обобщения относительно мотивов или типов преданий с привлечением по возможности всех текстуальных источников, используя при этом также материалы на западных и восточных, древних и современных языках, то целой человеческой жизни не хватит, чтобы осуществить во всемирном масштабе подобное сравнительное исследование, если только ученый не воспользуется сведениями, содержащимися в классических трудах других специалистов. Я не исключаю, что в будущем в среде подобных специалистов могут появиться новые публикации и новые теории по данному вопросу, но при этом не вижу, почему нельзя уже сейчас использовать имеющиеся к настоящему времени материалы, которые легли в основу их исследований.

Прежде всего, подобная осторожность может привести к тому, что фетишизация письменных источников, созданных человечеством, окажется тормозом для эффективного их использования.

Возможно, это не имеет непосредственного отношения к вышеприведенным утверждениям, но когда я впервые опубликовал в журнале статью “Кувабара”, включенную и в данное издание, востоковед-историк Ивамура Синобу, воспользовавшись заявлением профессора Бернарда Карлгрена о том, что “западные синологи и этнографы до сих пор недостаточно критически относились к древнекитайским литературным документам, не принимая во внимание различие во времени между этими документами, и привлекали их для любых исследований, даже по династии Цинь”, и мой метод объявил очередным примером не критического подхода к изучению культуры древнего Китая. Он писал, что “в исследованиях, посвященных древнему Китаю, я смешал воедино разнородные материалы от доциньской эпохи вплоть до династии Сун” (Миндзокугаку кэнкю. 13:2. 1948). Возражая ему, я изложил свою точку зрения в статье “Основные проблемы становления культурно-исторической этнографии” (она включена в мою книгу “Заметки по культурной антропологии” (“Бунка дзинруйгаку ноото”)), где я особенно подробно коснулся этого вопроса в разделе “Этнография и древние документы”. Коротко говоря, отбор материала и методы аргументации разнятся в одном случае применительно к истории, описывающей события, происшедшие в определенное время и в определенном месте, когда рассматриваются конкретные события и идеи, а в другом случае — если речь идет об истории культуры, когда в двух регионах, разделенных и пространством и временем, присутствуют диахронические следы культурного потока, свидетельствующие о его длительной преемственности. Например, когда южнотанский автор Сюй Цзе анализирует иероглиф *сан*, а цинский Дуань Юйцай — иероглифы *гао* (“яркий”), *дун* (“восток”) и *яо* (“темный”), они оба объясняют их происхождение, на основании словаря “Шо вэнь цзе цзи” (“Толкование письмен и разъяснение иероглифов”), как указание на священное дерево *фусан*, с которого восходит солнце. Как подтверждают исследования надписей на костях, все эти объяснения являются ошибочными. Для выяснения изначального значения этих иероглифов нельзя использовать разные комментарии к словарю “Шо вэнь”. Однако, поскольку известно, что представление о дереве *фусан*, или *сан*, как о священном дереве действительно существовало в древнем Китае, все они также представляют интерес с научной точки зрения. Иными словами, в зависимости от того, какой является научная задача, необходимо определять, является ли выбранный материал приемлемым или нет, но для предлагаемого в моей книге культурно-исторического исследования, выходящего за рамки специальных, чисто академических сфер, наоборот, имеется много

необходимых предпосылок для того, чтобы “использовать диахронные исторические материалы, не обращая внимания на разницу их во времени”.

* * *

С чисто научных позиций я спокойно отношусь к вышеприведенным нападкам и критическим замечаниям, но при этом как культурный антрополог я несу ответственность за сферу моих научных изысканий и не могу безоговорочно принять скептическое отношение к исследованиям наподобие тех, что представлены в моей книге. Ведь и метод фрейдистского анализа совсем не обязательно признается всеми социологами; точно так же и рассуждения о сущности культуры или философские рассуждения о природе человека являются для антропологов незаменимым материалом. В сущности, они являются неизбежными темами для профессионального обучения известных мне культурных антропологов. Не стану отрицать, что в сложные для проведения полевых исследований военные и послевоенные годы я в глубине души был склонен к научным изысканиям, которые можно назвать “забавами кисти”. Поэтому в прошедшие десятилетия своей научной карьеры я и не пытался использовать для своих лекций материал, содержащийся в данной публикации. Однако в этом году, когда при чтении курса “Особенности истории религии” в университете Тохоку мне потребовалось высказаться на тему сравнительной мифологии, неизбежно пришлось включить в лекции содержащиеся в этой книге более ранние сравнительные исследования о верованиях, связанных с матерью и божественным ребенком. Вне зависимости от того, считать ли это исследование относящимся к культурной антропологии или нет, хотя я и продолжаю настаивать на правомерности применения своего метода, я все же решил пересмотреть его с учетом изменений, произошедших в области научной методологии.

И как раз в тот момент, когда я пребывал в этих раздумьях, у меня состоялась беседа с г-ном Какиути из издательства “Коданся” по вопросу переиздания книги “Мать Момотаро”. Было решено обновить издание — заново воспроизвести иллюстрации, указать произношение имен собственных и добавить ссылки на литературу, а кроме того, сделать незначительные исправления и добавления. В первом издании подзаголовок был “Сборник статей по сравнительной этнографии”, но, как я уже писал ранее,

сейчас мне не вполне понятно, к какой области науки следует отнести подобное исследование. Поэтому я предложил новый подзаголовок — “Исследование некоторых аспектов истории культуры”. Он присутствует в названии главы “Вычеркнутые люди” (“Хамидасита хитобито”), где речь идет обо мне и Добо Ёси¹. Иными словами, и мое научное наследие ожидала участь быть “вычеркнутым” из категории “профессиональных” изысканий.

Более того, я решил и в этом издании сохранить послесловие к первому изданию, в котором говорится о моих личных духовных метаниях, предшествовавших появлению этой книги. Какуми Сюнсуке, автор статьи “Вычеркнутые люди”, приводит в ней пространные цитаты из моего “Послесловия”.

Июль 1966

Исида Эйитиро

¹ См.: При нуворишах, 1912—1923 (Нарикин тэнка, 1912—1923) // Записи о современной истории: Сто лет Японии (Кироку гэндайси: нихонно хякунэн). Т. 6. 1962.

Оглавление

Предисловие к новому изданию	5
ЛУНА И БЕССМЕРТИЕ (К вопросу о всемирном значении исследования Окинавы)	10
СКРЫВШЕЕСЯ СОЛНЦЕ (Миф о сокрытии в Небесном Гроте в тихоокеанском регионе)	35
КУВАБАРА (из истории распространения культуры шелководства)	51
Слово “кувабара” в функции заклинания	51
Гром, шелковица и железные инструменты	55
Божественная природа тутового дерева	56
Туговая роща и поляя шелковица	60
Забавы в тутах	62
Шелковица, солнце и фаллический культ	64
Женщины и бог шелковичных червей	66
Происхождение шелковичных червей	72
ПУТЬ НЕБЕСНЫХ КОНЕЙ (Заметки по поводу генеалогии древнекитайской культуры)	81
МАТЬ МОМОТАРО (сравнительно-этнографическое исследование культа матери с ребенком)	116
Предисловие	116
Дети водных божеств	118
Божественная мать с ребенком	122
Непорочное зачатие	125
В страну вечного мира, в страну покойной матери!	128
Богами избранные женщины	130
Страна женщин в море	135
Потомки драконов и змеев	141
Инцест матери с сыном	146
Культ сексуальной силы	155
Великая Богиня-мать земли и маленький бог-сын	157
Заключение	164
МАТЬ ЗЛАКОВ И БОГ ЗЛАКОВ (Роль богини-матери в мексиканских ритуалах, связанных с кукурузой)	169
ПОСЛЕСЛОВИЕ (О моем учителе Николае Невском)	184
<i>А. Кабанов, Ю. Березкин.</i>	
Исида Эйитиро и японская этнография	194